

18+

В ДУШЕ ОНА РОМАНТИК.
НО МИР ВОКРУГ НЕЕ ЖЕСТОК.

СЛАДОСТНОЕ *Забвение*



ДАНИЭЛЬ ЛОРИ

САМЫЙ ГОРЯЧИЙ РОМАН О МАФИИ ЭТОГО ГОДА!

Даниэль Лори

Сладостное забвение

Серия «Love & Mafia»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68317708
Сладостное забвение: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148318-0

Аннотация

Ее прозвали Милашкой Абелли за послушный характер. Вежливая улыбка, заботливый взгляд – неудивительно, что именно Елена стала любимой дочерью своего отца и идеальной принцессой мира мафии...

По крайней мере, она была ею до сегодняшнего дня. Сейчас все, что она видит в зеркале, – это руки, окрашенные кровью, словно краской.

Сестра Елены собирается замуж за Николаса Руссо, донна одной из пяти мафиозных семей Нью-Йорка. О его репутации наслышаны все, и она темнее его черных костюмов. Первая встреча с Николасом не оставляет у Елены сомнений: он так же груб, как и красив.

Ей не нравится ни этот мужчина, ни то, что он олицетворяет, но это не мешает ее сердцу биться изо всех сил, словно дождь по стеклу, когда он рядом, а коже покрываться мурашками от одного звука его голоса.

А еще он всегда рядом. Говорит ей, что делать. Он заставляет ее тело гореть, и это совсем не то, что она должна испытывать в присутствии жениха сестры. Елена, может, и Милашка Абелли для окружающих, но она начинает понимать, что ей по вкусу темнота, грубые руки и глаза цвета виски.

Избежав одного скандала, она едва ли может позволить себе быть втянутой в другой. Кроме того, даже если бы Николас и принадлежал ей, все знают, что не стоит влюбляться в мафиози...

Содержание

Плейлист	6
Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	31
Глава четвертая	42
Глава пятая	54
Глава шестая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Даниэль Лори

Сладостное забвение

Danielle Lori

The Sweetest Oblivion

Copyright © Danielle Lori, 2018

© Никулина Анастасия, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Эй-Джею – моему единственному вдохновению
для влюбленности*

Плейлист

World Gone Mad – Bastille

Rocket Man – Elton John

Human – Aquilo

Waterfalls – Eurielle

Her Life – Two Feet

Like I'm Gonna Lose You – Yasmine Thompson

Madness – Ruelle

Fireworks – First Aid Kit

Seven Nation Army – The White Stripes

Dirty Diana – Shaman's Harvest

Holocene – Bon Iver

Глава первая

*Не бывает хороших или плохих денег.
Есть только деньги.
– Лаки Лучиано¹ –*

Лонг-Айленд, Нью-Йорк

Елена

Наш дом представлял из себя живописную картину. Красная входная дверь с позолоченным молотком. Полы в черно-белую клетку. Сияющая лаковым покрытием деревянная лестница и сверкающая люстра. Несмотря на показную красоту, мне всегда было интересно: а если я потяну за уголок обоев... потечет ли из-за них красная кровь? Если бы всех в мире было видно насквозь, то кровь в этом доме с тихими шлепками собиралась бы в лужи на мраморных полах.

Я отрешенно смотрела телевизор в углу кухни и почти не прислушивалась к голосу ведущей, пока с ее алых губ не сорвалось слово «убийство» и не прогремело эхом в моей голове. В горле встал болезненный комок, и я нервно покрути-

¹ Знаменитый американский мафиози, уроженец Италии (1897–1962). (Все примечания без пометы о том, чьи они, принадлежат редактору. Все переводы цитат и высказываний без пометы о том, чьи они, принадлежат переводчику.)

ла кольцо на среднем пальце.

Хотя и дом, и вся моя *жизнь* всегда были построены на горах грязных денег, раньше я могла сказать, мол, лично я к этому непричастна. Но в нынешнем году все изменилось. Теперь на моих руках – кровь, и чувство вины преследовало меня во снах.

Слуги шныряли в кухню и обратно, сервируя стол на террасе для обеда, и каждый раз, когда дверь открывалась, до меня доносились голоса.

Заливистый женский смех, оживленная речь кузена Бени-то и голос, показавшийся смутно знакомым еще утром, когда я покидала церковь. Низкий, бархатистый и безразличный. У меня от него шевелились волосы на затылке – я знала, что он принадлежал будущему мужу моей сестры.

Отчасти из-за жениха сестры (нет, скорее, стопроцентно) я и пряталась на кухне, хотя никому бы не призналась в собственной слабости.

– Ты слишком красивая, чтобы хмуриться, Милашка Абелли. – Мать вошла в кухню, впустив сюда какофонию звуков разговоров гостей в холле.

Я поежилась под весом ее слов. По очевидным причинам мне уже давно не приходилось слышать детское прозвище. Я его немного переросла, особенно когда поняла, что милой меня считали по совершенно неправильным причинам: на меня было приятно смотреть, я молчала, когда следовало, и всегда вежливо отвечала. Я застряла в ожиданиях этого ми-

ра, как в тесном платье, оказавшемся не по размеру. Годами я чувствовала себя красивой птичкой в клетке, пока однажды такая жизнь не стала абсолютно невыносимой... И тогда я сбежала.

– Не понимаю, зачем ты это смотришь, Елена, – сказала мама, помешивая стоявший на плите соус в кастрюльке. – Телевизионная чушь только в депрессию вгоняет.

Мама была женой Сальватора Абелли – известного босса одного из самых крупных криминальных синдикатов Соединенных Штатов. Иногда я не могла понять, была ли ее наивность просто отрицанием или же ей и правда интереснее смотреть *«Дни нашей жизни»*², нежели волноваться о делах моего отца.

– Я не знаю, за кого голосовать на выборах, – рассеянно ответила я.

Она недоуменно покачала головой, и я подумала, что, пожалуй, для дочери мафиози и впрямь странно обращать внимание на государственные условности.

– Папá тобой недоволен, – сказала она, глядя на меня из-под темных ресниц и поджав губы, что всегда означало: у меня проблемы.

– Когда папá вообще был мной доволен в последнее время?

² Days of Our Lives (англ.) – американский сериал, идущий на канале NBC с 1965 года по настоящее время; среди режиссеров – Грант Джонсон, Рэнди Роббинс – (Прим. пер.)

– А чего ты ожидала после того, что натворила?

Прошло уже шесть месяцев, но я могла поклясться: мать поднимала эту тему каждый божий день. Похоже, она радовалась моей ошибке, как собака, которой бросили косточку – ведь у нее наконец-то появилось, за что отчитывать дочь.

– Почему ты не подошла познакомиться с Руссо сегодня после службы? – Она ткнула в мою сторону ложкой. – И не говори, что забыла и просто ждала в машине, все равно не поверю.

Я скрестила руки на груди.

– Я не хотела. Он... грубый.

– Елена, – укоризненно сказала она. – Ты его даже не знаешь.

– Совершенно не обязательно встречать кого-то с подобной репутацией лично, чтобы оценить его характер, мама.

– *Oh Madonna, salvami*³, – пробормотала она.

– И Адриану он не поймет, – подытожила я.

Мама фыркнула.

– Немногие поймут твою сестру, *figlia mia*⁴.

Садовник понимал... Но маме я ничего говорить не собиралась, иначе к концу дня бедняга бы уже очутился на дне Гудзона.

В начале прошлой недели папá объявил, что Адриана станет женой Николаса Руссо, донна одной из пяти мафиозных

³ О Мадонна, спаси меня. (итал.).

⁴ Дочка. (итал.).

семей Нью-Йорка. Мой проступок до сих пор являлся болезненной темой, но эта новость и вовсе вскрыла старые раны.

Я была старшей сестрой, следовательно, в мои обязанности входило выйти замуж первой. Но, совершив ошибку, я подставила сестру – и отправила ее в лапы мужчины с *репутацией*. Всем известно, что, если в нашем мире у кого-то есть определенная репутация, от такого человека нужно держаться подальше.

– К тому же Нико идеальный джентльмен. Ты бы сама это узнала, если бы познакомилась с ним сегодня утром после службы, как планировалось.

Утром я сразу же метнулась от дверей церкви к машине, только чтобы избежать вынужденной встречи с будущим мужем сестры. Для отца я – изгой, поэтому меня удивило, что он вообще заметил мое отсутствие. Кроме того, я была уверена, что джентльменский образ Николаса Руссо – несомненный обман.

Отец Николаса умер пять лет назад, и с тех пор двадцатипятилетний дон, самый молодой из находящихся у власти, стал известной фигурой в криминальном мире. Как и отец, он был жуликом, на его руках – больше крови, чем у всех заключенных тюрем Нью-Йорка вместе взятых, а в нем самом нет ни грамма сожаления. По крайней мере, так я предполагала. Если бы он чувствовал какую-либо вину, то телеведущая не сообщала бы каждое утро в течение года о новых жертвах из рода Занетти – семьи, на которую Николас дер-

жал зуб за смерть отца. Если вам интересно мое мнение, то ему с таким характером прямая дорога в ад.

– Я уже встречалась с ним, мама.

Она вскинула бровь.

– Правда?

– Ну... нет.

Ее лицо помрачнело.

– Но мы обменялись взглядами, – настояла я. – И этого оказалось достаточно, чтобы понять: Адриане он совершенно не подходит.

Мама закатила глаза.

– *Ridicolo*⁵.

Обменяться взглядами и враждебно уставиться – это ведь одно и то же... верно? Честно говоря, все было чистой случайностью. Я спускалась по ступенькам церкви и обнаружила семейное собрание, к которому должна была присоединиться. Папа и мама стояли по обе стороны от Адрианы, а напротив находился Николас Руссо. Так в нашем мире обычно впервые встречаются жених и невеста. Браки по расчету – обычное дело для *Коза nostra*.

Раздраженная происходящим, я неодобрительно прищурилась и одновременно посмотрела на будущего мужа сестры, который всю глазел на меня. Вот таким образом и получился пресловутый враждебный взгляд. Повторяю, по совершенной случайности. Но показать обратное я уже не

⁵ Смешно, нелепо. (итал.).

смогла – если бы улыбнулась, вышло бы в лучшем случае снисходительно, поэтому я... продолжила прожигать Руссо взглядом и понадеялась, что меня не убьют.

Взгляд Николаса похолодел и стал недовольным, но спустя секунду напряженной игры в гляделки он повернулся к моему отцу, будто я была невзрачным пролетающим мимо листочком. Выдохнув, я решила спрятаться в машине. Ни при каких обстоятельствах я не собиралась пересекаться с молодым мафиози после такого провала. Лучше избегать до-на до конца дней.

– Хватит беспокоиться, просто доверься отцу.

Я издала задумчивое мычание, поскольку до меня донеслась реплика Бенито о пользе будущего брачного союза для взаимного сотрудничества по какому-то оружейному договору. Сестра была пешкой в очередном крупном торговом соглашении, только и всего. Как романтично. Впрочем, мы всегда знали, что этот день настанет. Я никогда не надеялась на брак по любви, как и Адриана.

Одна проблема: сестра была уверена, что уже полюбила.
Садовника.

– Елена, узнай, готова ли Адриана к обеду.

– Вчера вечером она сказала, что не спустится.

– Спустится! – огрызнулась мама и пробормотала что-то на итальянском.

Я неохотно отлипла от стола и вышла из кухни. Голос телеведущей нагнал меня в дверях, снова обронив слово

«убийство», что смахивало на явное предостережение.

Из старинного проигрывателя звучала песня «*Вечером в Риме*»⁶. Я направилась к лестнице, попутно окинув взглядом людей в холле. Среди прочих были – папá, сестра моего отца, ее муж, несколько кузенов и брат Тони, сверлящий взглядом Николаса.

Кстати, Тони стоял в стороне, прислонившись к стене и спрятав руки в карманах черного костюма. Его девушка не была итальянкой, поэтому ее редко приглашали. Маме она не нравилась лишь потому, что встречалась с ее сыном.

Я любила брата, но он оказался импульсивным, безрассудным и жил по принципу: «Если мне кто-то не нравится, я пушу в него гребаную пулю». И, вероятно, теперь у него чесались руки пристрелить Николаса Руссо. В прошлом эти двое уже пересекались, и стычка не закончилась ничем хорошим.

Взгляд зацепился за впечатляющую молодую женщину с... интересным стилем. Она стояла рядом с мужчиной, которого я считала ее дедушкой ровно до тех пор, пока он не схватил ее за зад. Она поджала губы, как будто все это досадная помеха.

На ней была накидка из норки (*в июле!*), легкое платье оливкового цвета и сапоги-ботфорты до бедра. Длинные

⁶ On an Evening in Roma (*англ.*) или *Notte' er celo de Roma* (*итал.*) – песня, которую исполнил американский певец и актер итальянского происхождения Дин Мартин (1917–1995). Авторы композиции – Алессандро Таккани, Нан Фредерикс, Умберто Бертини; песня выпущена в 1959 году – (*Прим. пер.*)

темные волосы ниспадали на плечи плавными волнами, а накладные ресницы и крупные серьги-кольца делали ее похожей на ходячую рекламу семидесятых. Для окончательного завершения образа она надула и лопнула пузырь из розовой жвачки и неодобрительно покосилась на меня, словно мой стиль опоздал на четыре десятка лет. Если где-то и когда-то и сталкивались полные противоположности, то это точно были мы с ней.

Я положила руку на перила и почти вышла на финишную прямую, практически достигнув цели, когда за моей спиной раздался голос отца:

– Елена, подойди сюда.

Желудок ухнул куда-то вниз, и я закрыла глаза, признавая поражение. Я замешкалась, но всего на секунду: этому голосу не возражали.

По дороге к отцу, стоящему рядом с Николасом, у меня вспотели ладони. Когда я приблизилась, папá взял меня под руку и улыбнулся, однако улыбка не отразилась в его глазах.

Папá выглядел лет на десять младше своих пятидесяти пяти и мог «похвастаться» лишь несколькими седыми прядями в черных волосах. Он всегда облачался в костюмы, на которых вы не смогли бы найти ни единой складки, но образ джентльмена был лишь фасадом. Когда мне исполнилось семь лет, я воочию видела, как *именно* он заработал свою репутацию (я наблюдала за разборкой через приоткрытую дверь его кабинета).

– Елена, это Николас Руссо. Нико, это Елена, моя старшая дочь.

Я разыгрывала подобный спектакль уже сотни раз, в разные дни, с разными мужчинами, но сейчас воздух застрял в горле, словно, если я подниму глаза, меня толкнут с доски в кишашую акулами морскую воду. «Он просто человек», – напомнила я себе.

Человек с наихудшей репутацией во всем Нью-Йорке.

«И зачем я на него тогда уставилась?»

Сделав глубокий вдох для храбрости, я все же приподняла голову, чтобы разглядеть жениха сестры. По позвоночнику пробежала горячая волна, когда я встретила с тяжелым взглядом Николаса. Светло-карие глаза цвета виски со льдом и плотные, темные ресницы. Они придавали ему хмурое выражение, будто он щурился на солнце, а на меня этот молодой мужчина смотрел так, словно ему представили кого-то из слуг, а не сестру будущей жены.

Я на несколько сантиметров выше Адрианы и не расстаюсь с каблуками на людях, но даже так я не доставала макушкой до подбородка Руссо. Мне очень сильно захотелось отвести взгляд и сфокусироваться на черном галстуке на уровне моих глаз, но казалось, что если я отвернусь, то проиграю. И я выдержала взгляд дона.

Мой тон был вежлив, как и всегда.

– Приятно...

– Мы уже знакомы.

«Мы... что?»

Безразличный голос Николаса буквально пробежал по моей спине, вызывая странную дрожь. Он толком еще ничего не сказал, а мне почудилось, что я стою на территории Руссо, а вовсе не Абелли. Как будто все пространство вокруг него автоматически принадлежало семье Руссо, где бы он ни находился.

Папá нахмурился.

– И где вы успели познакомиться?

Я с трудом сглотнула.

Во взгляде Николаса заиграло что-то опасное и веселое одновременно.

– Сегодня в церкви. Помнишь, *Елена*?

Сердце захолонуло. Почему мое имя на его языке звучало так, словно Николай действительно давно со мной знаком?

Папá напрягся, и я сразу сообразила, почему: из-за развязного тона он подумал, что я с этим мужчиной занималась чем-то непристойным. Кровь бросилась в лицо. Одна ошибка, совершенная полгода назад, и теперь отец думает, что я подкатываю к жениху родной сестры?

Я заморгала в негодовании. И это – за краткий, не столь уж и враждебный взгляд? Николай нащупал мою слабость и открыто издевался надо мной.

В груди зашевелилось недовольство. Не согласиться с донном, которому отец наверняка верит больше, чем мне, значило лишь усугубить ситуацию.

В итоге я ответила максимально непринужденно.

– Да, папá, мы пересекались. Я забыла куртку в церкви и столкнулась с Николасом. – Я слишком поздно поняла, что сглупила: на дворе стоял июль. На службе на мне не было никакой куртки. И Николас, конечно, оказался в курсе.

Он вытащил руку из кармана и провел пальцем по нижней губе, слегка покачав головой, дескать, он впечатлен, что я ему подыграла, но чуть разочарован, что я сделала это настолько плохо.

Мне он не нравился. Совершенно.

По венам пробежал холодок, пока отец неуверенно переводил взгляд с Николаса на меня и обратно.

– Хорошо, – наконец сказал папá, похлопав меня по руке. – Тогда все в порядке. Я уверен, у Нико есть к тебе вопросы касательно Адрианы. Ты знаешь сестру лучше всех.

Мои легкие вспомнили, как дышать, и я глубоко вздохнула.

– Да, папá. – *«Я бы лучше земли наелась».*

Входная дверь распахнулась: в дом вошел брат моей мамы и советник отца, Марко, в сопровождении жены. Папá попрощался с нами и отошел их поприветствовать, оставив меня наедине с мужчиной, чье присутствие начинало меня почти физически обжигать.

Он смотрел на меня сверху вниз.

Я смотрела на него снизу вверх.

Уголок губ Николаса дернулся, и я осознала, что забавляю

его. Щеки побагровели от возмущения. Раньше я бы пробормотала что-нибудь милое и удалилась, но это было *раньше*.

Теперь же я никак не могла сохранять вежливую мину, глядя в глаза Николаса или Нико, – без разницы.

– Мы *не* знакомы, – твердо сказала я.

Он надменно вскинул бровь.

– Уверена? А мне казалось, ты уже успела все обо мне понять.

Сердце забилося столь быстро, что мне стало страшно за собственное здоровье. Я не представляла, что ответить: ведь он был прав. Тем не менее диалог никаким образом не опровергал ни одну из моих догадок.

Николас равнодушно разгладил галстук на груди.

– Сказать, что бывает с теми, кто болтает о других слишком много компрометирующего?

– Их убивают? – выдохнула я.

Взгляд Николаса скользнул по моим губам.

– Умница. – Его голос был низким и мягким, и я почему-то на миг предположила, что сделала нечто очень хорошее.

Он повернулся, чтобы уйти, но внезапно передумал и шагнул ко мне вплотную. Сердцебиение сбилось. Наши руки столкнулись, меня словно опалило огнем.

Дыхание Николаса защекотало мою шею.

– Приятно познакомиться, Елена. – Теперь он произнес мое имя так, как и должен был сделать: без всякого подтек-

ста. Мол, он просто вычеркнул меня из списка дел, прежде чем удалиться.

Я не шелохнулась, глядя перед собой и рассеянно отвечая на вопросы родственников.

Итак, таков мой будущий зять. Мужчина, за которого выйдет сестра.

Может, это и делало меня ужасным человеком, но часть вины свалилась с плеч и вылетела за дверь, пока порог дома переступал очередной гость.

Внезапно я обрадовалась, что подобная участь выпала Адриане, а не мне.

Глава вторая

*Ничего личного, чистый бизнес.
– Отто Берман ман⁷ –*

Елена

Все было даже хуже, чем я предполагала.

Адриана занималась тем, что аккуратно сворачивала блузку и укладывала ее в лежащий на кровати чемодан. На ней была футболка оверсайз с изображением мультяшной канарейки Твити и яркие рождественские носки, а по всей комнате валялись рулоны туалетной бумаги.

Несколько лет назад у Адрианы случился бунтарский период, и она обрезала волосы под мальчика. Я никогда не видела мать в таком ужасе. Сестра лишилась кредитки и посещения театрального кружка в учебном заведении для девочек, и каждый день в течение месяца на нее обрушивались полные негодования взгляды. Теперь стрижка превратилась в стильное удлиненное каре, но я навсегда запомнила, что самостоятельно подстричь волосы в этом доме означало смертный приговор.

⁷ Бухгалтер организованной преступности США (1891–1935).

Темно-синие стены, белая лепнина под потолком, золотые акценты – комнату Адрианы можно показывать в телевизионном шоу... Если бы спальня не выглядела так, как будто в ней стошнило дизайнера костюмов. По стенам развешаны постеры известных постановок вроде «Великого Гэтсби»⁸. Трюмо завалено причудливым театральным реквизитом: перьями, шляпами и маскарадными масками. Повсюду были вещи, над чьим предназначением можно только ломать голову... как вам, например, гигантская кроличья бутафорская голова на кровати?

Вряд ли папá знал, что платит за весь реквизит школы драматического искусства, которую посещала моя сестра. Но отец вообще не особо интересовался Адрианой. До тех пор, пока она была на своем месте, его все устраивало.

Отец просто ее не понимал, как и Адриана – его.

Я со вздохом достала блузку из чемодана и направилась в гардеробную. Адриана проигнорировала меня, однако мы столкнулась, когда она проходила мимо с кипой джинсов в руках.

– А зачем здесь столько туалетной бумаги? – спросила я, накинув блузу на вешалку.

Адриана шмыгнула носом, но не ответила.

В последний раз я видела ее плачущей на похоронах бабушки, когда Адриане было тринадцать. Сестра оказалась

⁸ Отсылка к культовому роману американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда (1896–1940), опубликованного в 1925 году.

одним из самых безэмоциональных людей, которых я когда-либо встречала. Возможно, ее отталкивал сам факт проявления эмоций на публике.

В животе тугим узлом свернулась тревога, но я знала: к жалости Адриана относилась так же, как к девчачьим мелодрамам. То есть ненавидела.

Я вытащила джинсы из чемодана и вернулась в гардеробную.

– Итак, куда сбегашь? Какие страны?

Она схватила желтое бикини в горошек.

– Куба. Саудовская Аравия. Северная Корея. Выбери.

Мы продолжили процесс упаковки и распаковки, как живой конвейер.

Я нахмурилась.

– Ты дала мне не такой уж богатый выбор. Но Саудовская Аравия точно отпадает, если ты собираешься носить купальник, – заметила я и убрала бикини в шкаф.

– Ты уже встречалась с ним? – спросила Адриана, кинув на кровать халат с узором под зебру.

Я знала, что она имела в виду будущего мужа и ответила с запинкой:

– Да. Он... э-э-э... очень милый.

– А куда мне запихнуть реквизит? – Сестра уперла руки в бедра и уставилась на небольшой чемодан так, словно только что осознала: он не тянет на сумку Мэри Поппинс.

– Думаю, реквизит должен остаться здесь.

Она поморщилась, будто собиралась заплакать.

– Но я люблю костюмы! – Теперь слезы действительно лились вовсю. – А как же Мистер Кролик? – Адриана взяла гигантскую бутафорскую голову и подняла ее вровень со своей.

– Не представляю, какие правила на таможне Северной Кореи, но ставлю на то, что Мистера Кролика не пропустят.

– А что насчет Кубы? – жалобно спросила сестра, рухнув на постель.

– Вероятно, там больше шансов.

Она кивнула, дескать, хорошие новости.

– У меня скоро постановка по «Алисе в Стране чудес». – Адриана перестала плакать и вытерла слезы.

– И кого ты играешь? – спросила я. Наверняка не Алису. Сестра не любила все мейнстримное и блондинистое.

– Чеширского Кота. – Она улыбнулась.

– Да, подходит идеально. – Я зашла в гардеробную и нашла черное платье на тонких бретельках, которое Адриана могла бы надеть на любой официальный прием. Откопать его получилось не сразу: наряд впихнули между костюмами Зельды из видеоигры-фэнтези «Легенда Зельды» и прикида Питера Пэна.

Через полминуты я положила платье на кровать.

– Тебе лучше начать собираться. Почти все пришли.

– Райан меня бросил, – спокойно сказала сестра.

Я смягчилась.

– Мне очень жаль, Адриана.

– Он не понимает, с чего я вдруг выхожу замуж, и больше не хочет со мной видиться. Похоже, не так уж сильно он меня и любит, верно, Елена? – Сестра подняла на меня огромные карие глаза.

Я помедлила.

Объяснить Адриане, что такое рациональность и немного сгладить расставание или сразу оторвать «пластырь»?

– Да.

Она кивнула.

– Скоро спущусь.

* * *

Я вернулась на первый этаж и поворачивала за угол в коридоре у библиотеки, когда в меня врезалось нечто плотное и теплое. Из меня вышибло воздух, и я вынужденно попятилась, сообразив, с кем столкнулась.

Руссо.

Тревога нервным огоньком пронеслась по телу. На этот раз мы находились не в холле, где столпились гости, нет, мы оказались совершенно одни. Николас Руссо замер, и я слышала, как колотится сердце в моей груди.

Я сделала еще шаг назад, якобы чтобы восстановить равновесие, хотя на самом деле просто отходила подальше. Наверное, включился инстинкт самосохранения.

Николас стоял напротив меня, облаченный в серый ко-

стюм с гладким черным галстуком. Мужчина занял собой весь коридор. Может, это узкий коридор? Нет, вроде обычный. «Уф, Елена, соберись».

Он наблюдал за мной: так люди обычно смотрят телевизионные передачи о животных, которые их не особо развлекают, как будто я была представителем какого-то биологического вида, но мало его интересовала. В одной руке он сжимал телефон, и я могла только предположить, что он, похоже, хотел сделать личный звонок.

А коридор справедливее было бы назвать закутком за лестницей, состоящим из сплошных арок. Несколько крупных цветков в горшках загораживали нас от основного зала, зеленая стеклянная лампа на столике озаряла пространство тусклым светом. Этого, впрочем, было достаточно, чтобы разглядеть искру недовольства во взгляде Николаса.

– Ты будешь стоять здесь и пялиться или дашь пройти?
Я моргнула.

– А если я скажу, что буду стоять и пялиться? – огрызнулась я, прежде чем успела что-либо подумать, и тут же пожалела, что не могу запихнуть вырвавшиеся слова обратно. Я никогда не позволяла себе подобной грубости, причем ни с кем – тем более с криминальными боссами. Никогда в жизни. Желудок скрутило, как юлу.

Не выпуская телефона, он провел большим пальцем по челюсти. Я представила, что он так делает именно в тот момент, когда решает, как лучше убить человека.

Он шагнул вперед.

Я снова попятилась, как будто мы были одинаковыми магнитными полюсами.

Николас опустил руку, в его глазах заплескалось изумление. Может, я сделала что-то забавное? Я внезапно четко осознала, что не хочу быть его забавой. И еще четче, что уже ею стала.

– А я думал, Милашка Абелли должна быть милой.

Откуда ему известно мое прозвище?

Не возьму в толк, что в меня вселилось, но неожиданно я почувствовала себя свободной от ласкательного имечка, возможно, как раз потому, что Николас никогда не встречал ту девочку. Я хотела быть кем-то другим. Особенно для него по какой-то необъяснимой причине.

– Что ж, вероятно, мы оба ошибались. Я думала, что джентльмены обычно извиняются, когда врезаются в дам.

– А кто-то опять предполагает и болтает, – протянул он. В моей груди нарастал странный гул. Я покачала головой.

– Это не было предположением или болтовней.

Он вновь сделал шаг вперед, а я – шаг назад.

Спрятав руки в карманы, он пробежался глазами по моему телу. Взгляд был не столько пошлым, сколько изучающим. Слово я и правда относилась к иному биологическому виду, и он пытался понять, можно ли меня сожрать.

Николас прищурился, глядя на мои розовые каблуки.

– Значит, у тебя есть какие-то доказательства?

Я кивнула. Он продолжал пристально смотреть на меня, из-за чего было тяжело дышать.

– Мама сказала, ты вел себя как идеальный джентльмен сегодня в церкви.

– Я действительно *вел* себя как идеальный джентльмен.

– Поэтому разница в том, *в настроении* ли ты быть джентльменом, Николас...

Он ничего не ответил, поднимая взгляд от моих каблуков, но спокойное выражение его лица подтвердило мою догадку.

– И, вероятно, сейчас ты им быть не хочешь? – выпалила я и осознала, что стоило промолчать.

Его взгляд столкнулся с моим и обжег меня.

Николас медленно покачал головой.

«Ну ладно».

Я достаточно долго упрямилась, гораздо дольше, чем Миллашка Абелли, кстати говоря. И я решила, что пора убираться.

– Ясно, ну... еще увидимся. – Более идиотской фразы я и выдумать не смогла, после чего попыталась обойти Николаса, однако ничего не успела: он схватил меня за руку.

Он вцепился в мою руку. Хватка уподобилась огненно-му кольцу, и огонь этот был грубым и мозолистым. Ледяной страх смешался в моих венах с чем-то другим, невыносимо горячим.

Николас стоял рядом со мной, и его рука на моей была нашей единственной связью.

– Составь список хобби твоей сестры. Что она любит, а что не любит, размер обуви, платьев... то, что считаешь нужным. Ага?

– Ага, – выдохнула я. Скольких людей он убил вот этой рукой, державшей меня за запястье? Кстати, хватка оказалась не столько сильной, сколько крепкой, из нее было невозможно вырваться. Она напомнила мне, насколько я меньше, насколько я нервничала и ощущала себя не в своей тарелке. Напомнила, что я не могу уйти, пока он не решит меня отпустить.

Теперь он наблюдал за мной с интересом. Сердце грозило остановиться, кожа горела. Николасу не следовало меня трогать, будущий ли муж он сестры или нет. Папá мог выйти из кабинета в любую секунду, но Руссо это совершенно не волновало. А вот меня еще как волновало, особенно после разговора ранее.

– Я отдам тебе список в пятницу на вечеринке в честь помолвки, – выдавила я и попыталась вырваться.

Он меня не отпустил. Большой палец пробежал по моим костяшкам, сбивая пульс.

– Я полагал, семья Абелли может позволить себе кольца дороже пятидесяти центов.

Я бросила взгляд на кольцо на своем среднем пальце. Оно выпало из торгового автомата и было украшено круглым фиолетовым камешком. Мысль о безделушке меня отрезвила.

– Иногда самые дешевые вещи оказываются самыми цен-

ными.

Взгляд Николаса вернулся к моему лицу, и еще секунду мы молча смотрели друг на друга. Его рука скользнула к моей ладони. Мозолистые кончики пальцев коснулись моих, более мягких, и сердце пропустило удар.

– Увидимся на обеде, *Елена*.

Он удалился, исчезнув в кабинете моего отца.

*Cazzo...*⁹

Я облокотилась о стену, чувствуя, как отяжелело кольцо. Я могла бы снять его, положить куда-нибудь, где оно, образно говоря, не будет висеть над душой, но знала, что не стану так поступать. Еще рано.

Хватка Николаса горела на коже, как клеймо, даже когда я зашагала по коридору.

И ведь Николас опять произнес мое имя самым неприличным образом.

⁹ Блин. (*итал.*).

Глава третья

Убивали мы с улыбками, стрелять в людей для нас, славных парней, не было проблемой.

– Генри Хилл-младший¹⁰ –

Елена

Из старого радио у бассейна раздавалась негромкая песня Билли Холидей¹¹. По хрустальным бокалам стекали капли конденсата, а серебряные столовые приборы сверкали в солнечных лучах. Был жаркий июльский вечер, и легкий ветерок оказался идеальным антрактом.

Огоньки гирлянды соперничали с солнцем и вились по крыше деревянной террасы, розовые кусты, высаженные матерью, цвели буйным цветом, стулья были удобными, а еда вкусной, но обед, на который приглашена толпа незнакомых людей, по определению не мог быть по-настоящему комфортным.

«Реклама семидесятых», сидящая напротив меня, впрочем, это мнение явно не разделяла.

¹⁰ Американский гангстер (1943–2012).

¹¹ Американская певица (1915–1959); прославилась своим неповторимым стилем исполнения джазовых композиций.

– Тогда коп меня отпустил и даже не конфисковал кокаин...

– Джианна, – прозвучало тихое предупреждение Николаса.

Она закатила глаза и сделала внушительный глоток вина из бокала, но замолчала.

Мне стало интересно, почему Николас ее одернул и в каких они вообще отношениях. Может, Джианна его сестра? Они явно друг друга раздражали, но я почти не сомневалась: я где-то слышала, что Николас был единственным ребенком. Пожилой дедушка, он же муж Джианны, не сказал ни слова, только хмыкал в самые неподходящие моменты. Я начинала подозревать, что у него проблемы со слухом.

Джианна и правда являлась моей полной противоположностью. Я тихая, а она болтала безо всякого стеснения и громко смеялась. Я сдержанная, а она... прилепила жвачку к льняной салфетке, прежде чем принялась за спагетти, которые поедала, не накручивая на вилку. Я даже позавидовала ее беззаботному отношению к жизни.

Тони сидел с другой стороны от Джианны. Он расстегнул пиджак и откинулся на спинку стула, выражая отчаянную скуку, но я знала его слишком хорошо. Я заметила, с каким самодовольным видом брат почесывал щетину на щеке, словно был одновременно взбешен и заинтересован происходящим. А эта смесь никогда не предвещала ничего хорошего. Он красив, но не будь я его сестрой – обходила бы

парня за километр. Его безрассудность опасна для окружающих, а особенно – для него самого.

Тони заметил мой пристальный взгляд и подмигнул.

Сад наполнился разговорами и звоном столовых приборов о тарелки, но повисшее в воздухе напряжение не собиралось рассеиваться, оставляя ощущение дискомфорта, которое ветер никак не мог унести с собой. Впрочем, все вели друг с другом непринужденные беседы, поэтому, возможно, дискомфорт чувствовала только я одна. В итоге я постаралась не думать о плохом.

Долго молчание Джиианны не продлилось, хотя она и не стала возвращаться к вопросу о запасах белого порошка. На сей раз она начала обсуждать лошадиные скачки: вполне приемлемая тема, к которой многие присоединились. Не то чтобы окружающие были против наркотиков – более того, здесь ежедневно появлялись люди, в чьих карманах они точно имелись, – но при публичном обсуждении этикет *Ко-за ностра* призывал делать вид, что мы являемся классическим примером типичной традиционной семьи, живущей в доме за белой дощатой оградой. Даже если в действительности наши особняки окружали железные заборы с охраной.

Адриана, к счастью, присоединилась к нам, а не отправилась в аэропорт, чтобы лететь, к примеру, на Кубу. Она сидела между отцом и женихом на другом конце стола.

Считайте меня трусихой, но я обрадовалась, что мне не надо находиться рядом с Николасом. Я была идеальной хо-

зайкой, у которой всегда найдется вежливый ответ даже на неприличные комментарии, (а они неизбежны в компании алкоголя), но в присутствии Николаса все слова меня покидали. Рядом с ним я теряла дар речи, у меня смещался центр гравитации, и, если честно, мне просто становилось *жарко*, как будто кожа решала покрыться румянцем навсегда.

Говорить с ним было неприятно, зато смотреть на жениха сестры оказалось гораздо легче. Если бы не размеры Николаса, он бы легко вписывался в типаж милого мальчика, который любила Адриана, по крайней мере, пока на его лице оставалось спокойное выражение. У него была смуглая кожа и иссиня-черные волосы, и я не могла не заметить, как сквозь рубашку проступали контуры бицепсов. Похоже, будущий муж Адрианы еще красивее при солнечном свете. Жаль, что характер его подвел.

Но самой интересной деталью во внешности Руссо являлась чернильная линия, проступающая через белую ткань рубашки. Ее было едва заметно, но я не сомневалась, что она покрывала его руку от плеча и до браслета золотых часов на запястье. У Николаса Руссо была целиком и полностью татуированная рука. Я *так и знала*, что джентльменский образ оказался фальшью.

Николас взглянул на меня, и я оторопела, а он наверняка сразу просек, что я за ним наблюдаю. Даже за пять стульев от меня его псевдобезразличный взгляд словно обжег мою кожу. А тон Руссо, когда он произносил мое имя, низкий и

непристойный, снова начал крутиться в моей голове, как заевшая пластинка.

Чтобы не выглядеть трусихой, я выдержала его взгляд несколько секунд, не дыша, а затем отвернулась. У меня внезапно появилось чувство, что мне не стоит больше пересекаться с этим мужчиной... ради собственного здоровья.

– Я слышал, у тебя скоро выступление, Елена? – спросил дядя Мануэль, сидящий за другим концом стола. Кстати, его голос с некоторых пор всегда напоминал мне о кровопролитии, в котором он принял участие полгода назад.

Я сделала глоток вина, но не ощутила ничего, кроме привкуса ненависти.

Все разом посмотрели на меня, все двадцать пар глаз, но чувствовала я только один-единственный взгляд, который вновь буравил меня.

– Да. – Я выдавила улыбку. – В субботу.

– Ты танцуешь? – встрепелась Джианна и тут же понизила голос. – Как здорово. Я тоже прежде танцевала, но, пожалуй, мы говорим о разных вещах.

Я оживилась.

– Ты имеешь в виду чечетку?

У нее был легкий, воздушный смех.

– Да, точно! Ты давно танцуешь?

– С детства.

– И у тебя хорошо получается?

Прямота вопроса заставила меня рассмеяться.

– Увы, нет.

Мама пробормотала нечто протестующее со своего места. Ей полагалось не согласиться: так всегда поступают матери, но как танцовщица я и правда слыла посредственностью, и мне было совсем не сложно признать свою бесталанность. Это просто хобби. Что-то, чем можно заполнить размеренное течение времени.

В детстве я любила танцевать, а теперь это, образно говоря, стало помехой. Помните то пресловутое тесное платье, из которого я уже выросла?

Разговоры поутихли, а Джианна начала гонять брокколи по тарелке, как семилетний ребенок, который не любит овощи. Ее муж хмыкнул, хотя реагировать было не на что. Она привычно закатила глаза и отхлебнула вина.

Обед продолжился, сопровождаемый бессмысленной болтовней, превосходной едой и изысканными напитками, но, повторяю, напряжение никуда не исчезло. Оно витало в воздухе, совершенно непобедимое. Как эхо, которое звучит после того, как вы что-то сказали.

Брат откинулся на стуле и принялся водить пальцем по краю бокала, который при этом издавал тонкий звон. Адриана уплетала еду за обе щеки, словно незнакомый ей мужчина, за которого она должна выйти замуж через три недели, даже не сидел рядом с ней.

Папá упомянул, что купил стрельбище, и новый разговор прокатился по столу, как падающее домино. На десерт по-

дали тирамису, и я уже приготовилась, что обед вот-вот закончится. К сожалению, внутренний дискомфорт нарастал, и вскоре я не представляла, как выкрутиться из неизбежного финала.

Все началось с невинного предложения поехать на стрельбище в сугубо мужской компании. А дальше события разворачивались как дурной сон. Руссо, сидящий со мной рядом (не Николас, а кто-то из семьи Руссо, разумеется), язвительно фыркнул. Я знала, что его зовут Стефан, хотя он почти все время помалкивал.

Звон со стороны бокала моего брата резко прекратился. Темные глаза Тони впились в парня.

– Что смешного, Руссо?

Стефан покачал головой.

– У меня есть дела поинтереснее, чем смотреть, как свора Абелли не может попасть в мишень.

– *Vau*, – промычала Джианна.

Я на пару секунд зажмурилась. Брат не будет игнорировать подобные заявления: он запросто ввяжется в драку, причем быстрее, чем гром грянет.

– Тони, не надо... – предостерегающе сказал Бенито. Он всегда был голосом разума среди них двоих.

Но Тони даже не посмотрел на кузена и улыбнулся Стефану Руссо крайне нехорошей улыбкой.

В груди все сжалось, и я посмотрела на другой конец стола, пытаясь привлечь внимание отца, но он был поглощен

беседой с Николасом и моими дядями.

— Не понимаю, о чем ты, — протянул Тони. — Я же не про-
мазал мимо этого, как его звали? Ах да, Пьеро... — Глаза его
сверкнули мрачным удовольствием. — Попал точно в яблоч-
ко.

Веселье Тони резко сменилось мертвой тишиной: все, да-
же те, кто сидел во главе стола, замерли, как на журнальной
фотографии.

Того, что случилось потом, я не ожидала.

Пuls застрял где-то в горле, когда вокруг моей талии со-
мкнулась чья-то рука и грубо поставила на ноги. Голова дер-
нулась набок, когда к моему виску прижалось холодное дуло
пистолета.

Раздались крики на итальянском. Стулья с грохотом по-
падали, когда все вскочили. Собравшиеся не медлили и тут
же вытащили оружие.

Я слышала, как отец раздает команды, но его голос тонул
в моем собственном сердцебиении. *Ба-дум. Ба-дум.* Гулко
отдающийся ритм под тонким слоем пота.

Я прожила не особо живописную жизнь, что бы вам ни
говорили про красную входную дверь и позолоченный мо-
лоток. Когда мне стукнуло семь, я видела, как папá отрезал
кое-кому палец. А дядя при мне застрелил человека, и я не
забыла, как смотрела на разmozженное лицо, на тело, лежа-
щее на залитом кровью ковре, и на чудом уцелевшие широко
распахнутые глаза.

Я видела ножевые и огнестрельные ранения, я видела столько *красного*. Но за все время мне ни разу не приставляли пистолет к голове. Я ни разу не чувствовала дула у виска. Никогда не ощущала, что могу лишиться жизни вот так просто.

Холод в венах превратился в лед.

Голос Николаса прорвался сквозь грохот крови в ушах. Низкий и бархатистый. Я мысленно ухватила за него, как за спасательный круг.

– Положи пистолет, Стефан.

– Он убил Пьеро! – Дуло у виска задрожало, легкие сдавило, но я не пошевелила ни единым мускулом, глядя на живую изгородь, выющую вдоль металлического забора.

– Тони! – рявкнул папá. – Нет!

Я покосилась на брата, только чтобы упереться взглядом в другое дуло пистолета. Тони хотел застрелить Руссо, стоящего за мной, но из-за моих каблуков тот был не сильно выше меня.

– Ты хреновый стрелок, Тони. Но сейчас ты запросто угробишь Милашку Абелли! – разгоряченный возглас Стефана вибрацией отдался в моей спине.

– Положи. Пистолет. – Николай был спокоен, однако в его тоне чувствовался легкий оттенок враждебности, подобный океану перед штормом.

Одна секунда, две секунды. Стефан медлил...

Бам!

Что-то теплое и мокрое шлепнулось на мое лицо. В ушах звенело, голоса стали приглушенными, словно их обладатели погрузились в воду. Мужская рука резко отпустила меня, Стефан рухнул на пол с глухим ударом.

В голове крутился голос телеведущей. Слово «убийство» срывалось с ее алых губ снова и снова. Я оцепенела. Звуки вернулись, буквально заливая мир вокруг, будто выдернутые из каких-то глубин и повисшие на толстых цепях.

– Все сели на место! *Сейчас же!* – прогремел отец. – Мы закончим гребаный обед, черт подери!

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать и понять его приказ. И заметить, что собравшиеся неловко уселись на свои места: все, кроме отца и Николаса. Тяжелый взгляд будущего мужа Адрианы обжег мою кожу, пока я таращилась на пистолет в его руке.

– Елена! Сядь! – рыкнул папá.

Я плюхнулась на стул.

Теплая кровь капала с моей щеки. Белая скатерть окрасилась красным. Ноги мертвого Руссо касались моих.

Я переводила взгляд с пялящейся Джианны на Тони, с наслаждением уплетающего десерт.

– Елена, – сказал папá с предупредительной интонацией.

Я все поняла: послушно захватила ложкой кусок тирамису и начала жевать.

Придержав рукой шляпу, я взглянула на чистое голубое небо над головой.

За исключением обстоятельств, это был действительно прекрасный вечер.

Глава четвертая

*А этого ублюдка темноты
Беру себе.
– Уильям Шекспир¹² –*

Нико

Эхо выстрела все еще звенело в воздухе, а повисшее напряжение заглушало даже скрежет десертных ложек о фарфор. Абелли бросали на меня осторожные взгляды в то время как члены моей семьи не поднимали глаз от тарелок: Руссо одеревенели, как и стулья под ними.

Откинувшись на спинку стула, я положил руку на скатерть и сосредоточился на сигарете, зажатой в пальцах. Во мне бушевала такая ярость, что ею можно было подавиться. Она жгла горло и грудь, окрашивала все в поле моего зрения в красный цвет.

Чуть подняв глаза, я наткнулся взглядом на Луку, младшего босса и единственного кузена, на которого можно положиться. Он утер рот ладонью в тщетной попытке скрыть

¹² Цитата из пьесы «Буря», опубликованной в 1623 году (действие V, сцена 1), гениального английского драматурга Уильяма Шекспира (не позднее 1564–1616) – (Перевод А. Соколовского.)

довольное выражение лица. Я помрачнел, тем самым показывая, что вполне могу пристрелить и двух кузенов за день, и он тут же выпрямился, сразу подрастеряв веселье.

Он только что выиграл спор о том, сможет ли сегодняш- ний день пройти без происшествий. Даже выиграл *вдвойне*, ведь участие Милашки Абелли было бонусом. В семье веч- но делали ставки, причем *абсолютно на все*. Ни один шанс подзаработать не оставался упущенным.

Теперь я должен ему пять чертовых косарей. И винил в этом исключительно ее – мелкую черноволосую примадон- ну, поскольку если бы сейчас хоть на секунду вспомнил про ее брата, то не удержался бы и пустил пулю в его дурную башку.

Иногда родственнички бесят до такой степени, что ты не против пристрелить их при удобном случае. Но одно дело – сделать это по собственному желанию, а другое – когда тебе не оставляют выбора... Меня передергивало как от щелчка кнута. Яд гулял по венам и заставлял стискивать зубы.

Папá любил пинать меня под ребра, когда я действовал необдуманно.

Мама, облаченная в ночнушку, курила за кухонным сто- лом после ссор с моим отцом, когда они прекращали орать на весь дом.

У меня ныли ребра, но я крепко сжимал сигарету и не мог не признать, что яблоко падает не так уж далеко от гребаной яблони. И догадывался, что любой человек, знавший Анто-

нию Руссо лично — даже члены моей семьи — не видел в этом никакого счастливого знака.

Отец и *Коза ностра* слепили меня по своему образу и подобию. Отвратительная смесь искры с бочкой пороха. То, что упустил папá, пыталась заполнить мать. Она *пыталась*, несмотря на расфокусированный взгляд и характерно хлюпающий нос. В свои последние годы Катерина Руссо сделала все, что могла. Она хотела, чтобы ее единственный сын уважал женщин. Если честно, у нее плохо получилось. Сложно уважать мать, если тебе приходится каждую ночь поднимать ее с пола.

В общем, мне с детства всегда доставались любые блага, о которых я мог и не заикаться.

Мне не нужны были обаяние и уважение, дабы завоевывать женщин: обещанные должность и богатство делали все за меня с того момента, как мне стукнуло тринадцать.

Мать Луки была первой, кто собралась с мыслями и бросила на меня осуждающий взгляд. Семья могла злиться сколько угодно, но я бы не отказался хоть от одного гребаного спасибо. Я предотвратил кровавую баню, чуть было не испортившую чудесное воскресенье.

Боже. Это был всего лишь Стефан.

Он даже никому не нравился.

Кстати, далеко не каждый мужчина мог справиться с фамилией Руссо. Бабушка говорила, что наша кровь погорячее, чем у большинства. Хотя, может, она просто пыталась

оправдать факт, что ее наследники являлись заносчивыми, жадными собственниками, трясущимися над вещами, которые им не принадлежали. Руссо хочет то, что ему вздумается, и всегда это получает. Конечно, различными нелегальными путями. Впрочем, возможно, бабушка и права: ведь мне совершенно точно было жарче, чем следовало.

Голос Билли Холидей, выводящий строфы песни «*Я буду видеть тебя*»¹³, заполнил обширный задний двор, и мягкие нотки фортепьяно вторглись в напряженную атмосферу беглых взглядов и аккуратных покашливаний. Я покатал сигарету между пальцами, пытаюсь унять внутренний зуд. Курил я только тогда, когда был слишком взбешен, чтобы мыслить разумно. Или в очень редких случаях, когда нервничал.

Сальватор встал из-за стола, чтобы отправить слуг по домам. Все знали, на кого они работали были так или иначе связаны с *Коза nostra*, но к мертвому телу на террасе и крови, струящейся по плиткам, многие, похоже, не успели подготовиться.

Я уловил только часть предшествовавшего этому разговора. Очевидно, Тони продолжал злорадствовать по поводу убийства Пьеро, очередного моего идиота-кузена. Я не знал, что сделал Тони, но открытие меня мало удивило. Расстроило, впрочем, тоже не особо. Я отнесся к смерти Пьеро как

¹³ I'll Be Seeing You (англ.) – популярная лирическая песня, записанная в 1938 году (музыка – Сэмми Фейн, слова – Ирвинг Кэхал). Композицию перепела Билли Холидей в 1944 – (Прим. пер.)

к гибели кого-то из Занетти: с такой же легкостью я мог бы выпить виски на два пальца. Ты творишь какую-то хрень, тебя убивают – и мир продолжает вертеться, ну а мой кузен натворил предостаточно.

Честно говоря, я думал, Стефан опустит пистолет. Но к тому моменту мне уже было плевать. Злость вспыхнула от выказанного им неуважения и разгорелась лишь сильнее из-за того, что он угрожал Милашке Абелли. Странно.

Мной овладело раздражение: угрожать ей мог только я. Поэтому я застрелил его к чертовой матери и смотрел, как кровь выплеснулась на белое платье Елены.

Тони чертовски хотел меня прищучить еще с тех пор, как его приятель Джо Занетти нашел свою смерть в дуле моей пушки так много лет назад, что лично я уже про тот случай и думать забыл. Я догадывался: у нас с Тони будут проблемы, но серьезно недооценивал его идиотизм и не ожидал, что он притащит свои проблемы на обед. Думаю, мысль о том, что я буду трахать его сестру, бесила парня сильнее, чем мое присутствие.

Я стряхнул пепел с сигареты прямо на скатерть и, не успев себя остановить, бросил взгляд на Милашку Абелли, а потом прищурился. Я бы отдал Луке только два с половиной косаря, если бы не она.

Кровь стекала по ее оливковой коже, но Елена продолжала лакомиться десертом, подчиняясь приказу отца. Я не был садистом, но, *боже*, это немного чересчур. По моему телу

невольно прокатилась горячая волна до самого паха.

К слову, о садистах... Я нашел взглядом кузена Лоренцо, сидящего за пару мест от меня. Он пялился на девчонку так, как будто это было его работой. И не моим поручением, нет (их-то он всегда проваливал), скорее, жизненным призванием или вроде того. Глядя на него и не скажешь, но паршивец имел нехилую склонность к садомазо. Он пожирал взглядом Елену Абелли. Я поежился от раздражения.

Она наверняка предпочитала всякую милоту и романтику.

Может, ей нравится, когда мужчина стоит на коленях и умоляет.

Лоренцо бы с радостью так поступил.

Я бы лучше добровольно прищемил свой член дверью машины.

Сегодня в церкви она прожгла меня взглядом, и мне даже стало интересно, что могла Милашка Абелли иметь против меня. Я слышал эту кличку, причем задолго до того, как встретил Елену. Невинное прозвище, ставшее известным (особенно среди мужчин), поскольку она была не только мила характером, но еще и хороша фигуркой.

За последнюю пару лет я наслушался про ее задницу больше, чем хотелось бы, что меня порядком достало. Когда что-то нахваливают, реальность в итоге оказывается сплошным разочарованием. Правда, не на этот раз, поэтому, полагаю, в проигрыше здесь остался именно я.

Я переставал слушать, когда окружающие начинали трепаться о ней. Прежде я никогда не видел ее, но кузен часто трещал об одной и той же телке, будто я ему за это платил, что подбешивало. Даже ее имя меня изводило, словно собаку Павлова. В общем, когда ее отец заявил, что в жены она не годится, я не стал спрашивать, почему, а спокойно подписал договор насчет второй сестры Абелли.

А потом увидел ее в церкви.

«Твою ж мать».

Кузены западали на любую женщину младше пятидесяти. *Любую*, если у нее имелось хоть одно выдающееся качество. Неудивительно, что я никогда не верил их сплетням.

А она оказалась живым эротическим сном любого мужика.

Эта фигура... Да ей бы на разворот журнала. А волосы и вовсе стали моей слабостью: черные, шелковистые, достаточно длинные, чтобы дважды намотать на кулак. Мысль пронеслась у меня в голове совершенно без спроса. *В церкви. Боже.*

Но что прожгло меня сразу до самого члена, так это ее лицо, приятное и открытое. Настолько *милое*, что я сразу понял, откуда взялось ее прозвище. Уж точно не благодаря характеру, судя по убийственному взгляду.

Я наблюдал за ней с задней скамейки дольше, чем следовало. Смотрел, как она дарила одинаковую улыбку каждому подходившему к ней мужчине. Я будто глазел на очередь,

выстроившуюся на встречу с Ее Величеством.

Мои сто девяносто сантиметров роста сложно назвать незаметными, но она игнорировала меня еще полчаса, а потом одарила враждебным взглядом.

Милашка Абелли была милой со всеми, кроме меня. Я бы рассмеялся, но по неясным причинам разозлился. Впервые с тех пор как я стал боссом, кто-то отнесся ко мне с очевидным неуважением. Может, это по-детски с моей стороны, но сразу же захотелось показать Елене Абелли, что я о ней тоже невысокого мнения.

Любая женщина, окруженная щедрым мужским вниманием, должна быть заносчивой пустышкой. По ее розовым дизайнерским каблукам было видно, что Елена любила тратить отцовские деньги. Ее сестра нацепила шлепки-сандалеты. Я, вероятно, сэкономлю миллионы долларов, когда женюсь на Адриане.

Кстати, Адриана была странной, но привлекательной. Если воспринимать ее отдельно от сестры, она казалась сногшибательной, но рядом с Еленой сливалась с обоями. Мне это прекрасно подходило. Не хотелось бы иметь жену, на которую дрожат все мои кузены.

Не то чтобы мне было плевать, на ком я женюсь. Мне пора завести супругу, и в моем мире это означало прибыль. У Сальватора возникло небольшое разногласие с мексиканцами, которое начинало превращаться в проблему.

Старость смягчила мужика. После свадьбы я должен по-

мочь ему найти корень проблемы и решить ее так, как учили меня: пулей в голову. Брачный союз делал меня в разы богаче, не говоря уже о том, что под моим контролем оказывалась большая часть города.

Волна пробежала по позвоночнику, когда взгляд Елены задержался на моем лице. Я почувствовал жар и раздражение. Я намеревался все проигнорировать, но не сдержался и уставился на Милашку Абелли. Затылок зудел, но я не отвел глаз, пока она не отвернулась.

После того столкновения в церкви я задался целью выяснить, почему она не могла быть моей женой. Выяснилось, что Милашка Абелли сбежала из дома, отдалась какому-то мужчине.

Я знал, что отнюдь не порушенная девственность являлась причиной, по которой Сальватор не предложил мне Елену. Это было лишь предлогом. Сальватор не хотел, чтобы она доставалась мне, и я не мог его винить. Я бы на его месте поступил точно таким же образом.

А почему Сальватор без проблем отказался от второй дочери, понять было несложно.

Адриана сидела рядом со мной, наряженная в черное платье, закинув ногу на ногу. Каштановые волосы до плеч скрывали ее лицо: она наклонилась вперед и что-то рисовала ручкой прямо на ладони.

Я не сказал ей ни слова с тех пор, как она с опозданием явилась к столу. Если честно, я почти забыл, что невеста во-

обще находилась возле меня. Пожалуй, пришло время узнать будущую жену поближе.

– Что ты рисуешь?

Адриана помедлила, но затем показала мне свою маленькую ладошку.

– Это кролик! – вырвалось у меня, потому что там действительно был, мать его, кролик.

Она поджала губы и вернулась к рисованию.

– Это Мистер Кролик, – поправила она меня тоном, который наверняка привел бы меня в ярость.

Но дальше злиться уже было некуда, поэтому я пожал плечами и начал мысленно в деталях планировать, что сделаю с ее братом.

* * *

– Справа или слева?

Тони заиграл желваками, но не сказал ни слова. Он сидел возле письменного стола родного отца, как будто был на совещании. Кровь капала с губы на белую рубашку, однако на лице до сих пор застыло выражение мрачного удовлетворения.

Я врезал ему. Еще раз.

Разбитые костяшки горели.

Он стиснул зубы, но не издал ни звука. Тони из тех парней, которых настолько пьянит собственная дурь, что они даже не

чувствуют боли. Но я собирался заставить его почувствовать хоть что-то, прежде чем покину комнату.

Солнечные лучи освещали кабинет Сальватора сквозь жалюзи, подсвечивая пылинки в воздухе. Гости давно разошлись, можно было с уверенностью утверждать, что прием потерпел фиаско. А это означало, что мне предстояло еще больше обедов и торжественных вечеринок. Ни одна из семей не хотела рисковать и знакомиться друг с другом на таком пышном мероприятии как свадьба: ведь могла случиться ситуация, подобная сегодняшней, – и тогда все бы превратилось в кровавую резню на глазах у детей и женщин.

Лука застыл у двери и сверлил затылок Тони ледяным взглядом. Бенито и еще один его кузен помладше, ближе по возрасту к Адриане, замерли у стены, скрестив руки на груди. Сальватор с сокрушенным видом сидел за столом.

Я бы мог развязать целую войну за смерть Пьеро, и, вероятно, именно по этой причине Сальватор позволял мне все. И еще потому, что жизнь дочери оказалась под угрозой из-за идиотизма сына.

– Ты облажался, Тони, – сказал Сальватор, сцепив руки в замок над деревянной поверхностью стола. – Я ведь тебя предупреждал, но ты все равно натворил дел. Если бы с Еленой что-то произошло, ты бы сейчас уже плавал брюхом кверху в Гудзоне. Тебе повезло.

– Повезло, – издевательским тоном повторил Тони. Он потер челюсть и добавил: – Слева.

В груди заворчалось удовлетворение.
«Значит, справа».

Глава пятая

*Всегда есть три точки зрения.
Моя, твоя и правда.
– Джо Массино¹⁴ –*

Елена

Я шла по коридору под песню «*Мисфитс*»¹⁵, просачивающуюся из-под двери комнаты Адрианы. Оказавшись у себя, я начала раздеваться прямо по пути в ванную. Даже не взглянув в зеркало, включила горячую воду и встала под душ.

Меня словно жгло огнем.

Что-то должно смыть с меня жуткие воспоминания. Сегодняшний день вернул меня на полгода назад, к прошлому, когда на моем лице была *его* кровь.

Горячая вода хлынула, заставляя волосы липнуть к щекам и плечам. Я представила, что красный цвет, стекающий по телу и воронкой уходящий в слив, это обычная краска. Если бы от чувства вины было избавиться столь же просто.

Я закрыла глаза.

¹⁴ Бывший американский гангстер (род. 1943).

¹⁵ Misfits («Изгои», «Неприкаянные» – [англ.]) – панк-группа из США, образовавшаяся в конце семидесятых годов – (Прим. пер.)

Крики. Холодное дуло у виска. Одна секунда, две. Замешательство...

Бам!

Мои глаза распахнулись.

Этот выстрел точно прогремел не в моей голове.

Волна мурашек пробежала по затылку. Хотелось надеяться, что Тони всего-навсего разгромил очередную бабушкину вазу. Но до сегодняшнего дня я и не задумывалась, какие последствия могли ждать брата после того, что он устроил...

Я выскочила из душа и вытерлась так быстро, как только могла. Не стала расчесывать мокрые волосы, влезла в футболку и шорты, а затем выбежала из комнаты и кинулась вниз по лестнице. Мраморный пол охлаждал босые ступни. Я завернула за угол в направлении кабинета отца и снова врезалась во что-то плотное.

Столкновение вышибло воздух из легких. Я летела так быстро, что наверняка плюхнулась бы прямо на пол, но, когда я покачнулась, меня удержала рука. Очень теплая и тяжелая рука, обнявшая за талию.

– Господи, – раздраженно пробормотал Николас.

Мы оказались притиснуты друг к другу, внутри у меня все сжалось. Тело покрылось мурашками, но времени что-либо анализировать уже не было. Николас отодвинул меня в сторону и удалился. А мне оставалось только смотреть, как он уходит дальше по коридору.

Безразличие его «младшего босса», протопавшего сле-

дом, задело меня, и, к своему изумлению, я даже обрадовалась, что врезалась именно в Николаса, а не в него.

На талии осталось жгучее ощущение, а сердце колотилось одновременно и от столкновения, и от нарастающего беспокойства.

– Ты убил моего брата?

– Стоило бы, – коротко ответил Николас, прежде чем дверь захлопнулась.

Я вздохнула с облегчением, но поняла, что ошиблась, стоило Тони вывалиться из кабинета отца, шатаясь, подобно пьяному. Он был по пояс голый, рубашка оказалась обернута вокруг руки. На мраморный пол капала ярко-алая кровь.

Надо сказать, что брат высокий, в меру мускулистый и покрыт шрамами, включая два пулевых ранения и бесчисленное количество других «украшений». О происхождении последних я лишь могла догадываться: вероятно, он заполучил отметины на нелегальных боях, в которых участвовал.

При виде меня Тони не сказал ни слова, но тем не менее я побрела за ним на кухню. Прислонившись спиной к двери, я наблюдала, как он достал из шкафчика бутылку виски и долго не мог открыть ее одной рукой. В конце концов брат добился своего, прижав емкость к груди, сделал большой глоток прямо из горла и сел у кухонного острова.

– Уйди, Елена.

– Тебе нужно показаться Вито. – Он служил викарием в церкви, но имел достаточно опыта в медицине и умел латать

раны. Это же благое дело, как ни крути.

– Я в порядке. – Брат сделал новый глоток из бутылки, пролив немного виски на голую грудь.

Нет, Тони вовсе не был в порядке. Он испачкал в крови столешницу и смахивал на пьяного еще до того, как принялся пить так, будто кто-то только что разбил ему сердце.

– Я позвоню Вито. – Я направилась к беспроводному телефону у холодильника.

Брат бросил на меня виноватый взгляд.

– Прости, Елена. Я не знал, что так получится. Честно.

У меня сжалось сердце.

– Я тебя прощаю.

Он издал слабый смешок.

– Зря.

Тони всегда выглядел самодовольным, но, когда улыбался своей настоящей улыбкой, напускное бахвальство пропадало, и он становился обаятельным. Такого брата я любила, хоть и видела очень редко. Наверное, чтобы выжить в этом мире, людям приходится становиться худшими версиями себя.

Я и понятия не имела, почему он убил Пьеро, кем бы тот ни был, но мне хотелось думать, что брат поступил подобным образом исключительно в целях самозащиты. Тони сизмальства живет по гангстерским законам, и, хотя мои цепи тоже тугие, его ноша, конечно, ничуть не легче.

– Ничего не могу поделать, – ответила я.

Я начала набирать номер, но брат покачал головой.

– Не надо звонить Вито. Я прекрасно себя чувствую.

– Нет, Тони. Выглядишь не очень, серьезно.

Смуглое лицо брата побледнело и покрылось испариной.

– Я *в порядке*, Елена.

Я вздохнула. Как же типично для отца: оставить Тони истекать кровью и не позвать никого ему на помощь. Но я отложила телефон: ведь брат говорил *тем самым* голосом. Даже если Вито и приехал бы, он бы к нему не вышел. Слишком упрямый.

Скрестив руки на груди, я прислонилась к столешнице. С волос все еще капала вода.

– Почему тебе не нравится Николас?

Он фыркнул и опять глотнул виски.

– По многим причинам.

– И какая первая?

– Он трахнул мою девушку.

Я вскинула брови.

– Дженни?

Очередной глоток.

– Она тебе сказала?

Тони покачал головой.

– Он прислал мне фотографию.

«Вау».

– И ты уверен, что это была она?

– Бабочка на пояснице.

– О... ну... весьма грубо с его стороны.

Если честно, жалеть Тони сложно. Он изменял Дженни со служанкой Габриэллой, и наверняка в списке имелись и другие. Николас, впрочем, не казался мне человеком, который спит с чужими девушками просто так, поэтому у меня закрадывались сомнения...

– И чем ты ему насолил?

На губах Тони появилась нехорошая улыбка.

Бинго! У каждой истории всегда есть две стороны.

Он сделал еще глоток, и я нахмурилась, глядя, как кровь капает с края стола и собирается в лужицу на полу. Алкоголь только усиливал кровотечение, так что я выпрямилась и убрала бутылку от губ Тони. Виски полилось по подбородку и груди брата.

Он недобро прищурился, но едва смог ворочать языком.

– Черт возьми, Елена. – Он выглядел либо очень пьяным, либо пребывал на грани обморока.

Я размотала рубашку с его руки и в ужасе отскочила.

– *Боже!* Тебе нужно в больницу, Тони!

Дыра от пули прошивала ладонь брата насквозь, как будто пистолет прижимали в упор. Я прикрыла рот, борясь с подступающей тошнотой, и попятилась, собираясь найти Бенито, но внезапно Тони действительно потерял сознание. Он завалился набок, оставляя кровавый след по всей столешнице, и с глухим тяжелым стуком впечатался в кухонный пол.

«Черт, черт, черт».

– Бенито! – закричала я.

– Ты чего орешь? – спросила Адриана, которая вошла в кухню. Сестра успела переодеться и была в легинсах космической расцветки и спортивном лифе.

– Твой жених застрелил Тони!

– Насмерть? – Она вскинула бровь, выбирая себе яблоко получше из миски на столе.

– Где мама? – спросила я.

Сестра пожала плечами, отковыривая наклейку с зеленого яблока.

Я вздохнула.

«Ладно. Если вы хотите играть в эти игры...»

Толкнув дверь, я крикнула в коридор:

– Я звоню в службу спасения!

Как по мановению волшебной палочки, в кухню ворвались Бенито, Доминик и папá.

Отец смерил меня сердитым взглядом, но затем заметил единственного сына, лежащего на полу в алой луже. Он что-то тихо сказал Бенито – он всегда говорил тихо, когда злился, – и мои кузены подхватили Тони: один под руки, другой за лодыжки, и вынесли из кухни.

– Не к Вито, – сказала я отцу, – а в больницу.

– Да, Елена, мы его отвезем. – Он отмахнулся, изучая пятна крови.

Я продолжала смотреть на отца, пытаюсь понять, говорит ли он правду. Папá никогда не отвозил никого из нас в боль-

ницу без предварительного скандала.

Папа́ бросил на меня взгляд, чувствуя мое недоверие.

– Там не хуже, чем в клинике, – огрызнулся он.

Уф! Я не представляла, куда они потащили Тони. Наверное, к частному доктору, которому отец всегда отваливал кучу денег.

– Эй, кто-нибудь видел мои цветные карандаши? – перебила нас Адриана.

Глава шестая

*За каждым богатством скрывается
преступление.
– Лаки Лучиано –*

Елена

Может, поначалу у меня и не было уважительных причин недолюбливать Николаса Руссо, но после того как мы познакомились, а его пуля прошла в паре сантиметров от моей головы, у меня оказалось достаточно поводов испытывать к нему глубочайшую неприязнь. Не забудьте и про то, что он прострелил руку Тони.

В общем, уже без разницы, что там было в корне всего.

Тони отсутствовал целую ночь. Лишь двадцать минут назад, вернувшись с танцев, я узнала, что брат будет в порядке. Ему пообещали семидесятипятипроцентную вероятность того, что верхняя конечность полностью восстановится.

Кстати, Дженни вызвалась переехать в его квартиру, чтобы помогать. Упомянув это, мама закатила глаза: ей очень не нравилась подруга сына. Ну а я, узнав, что девушка изменила Тони с Николасом, тоже не была уверена, что и думать. Я

бы на ее месте уже давным-давно бросила бойфренда – зачем оставаться с кем-то, если не собираешься быть ему верной? Складывалось впечатление, что Дженни от него нужно только одно.

Я сидела на диване, скрестив ноги, и смотрела документальный фильм о гуманитарных кризисах. На мне до сих пор были легинсы и топ с открытым плечом. Я взмокла после танцев. На дворе стоял один из самых жарких летних дней, а Бенито всю дорогу до дома отказывался закрывать окна в машине и включать кондиционер. Он сказал, что ветер творит чудеса с его шевелюрой, однако я так и не смогла остыть.

Я прижала к лицу бутылку с холодной водой.

Входная дверь с грохотом распахнулась, в холле прогремел голос отца. По позвоночнику побежали мурашки: я ощутила чужое присутствие и сообразила, что пришел еще и Николас, даже не успев услышать глубокий и безразличный голос. В животе что-то странно заворочалось.

Я продолжала пялиться в телевизор, но не замечала происходящего на экране, целиком сфокусировавшись на звуках в холле.

Кто-то миновал двойные двери гостиной, затем раздался звонок телефона.

– Ответь, – сказал папá, – я буду у себя.

Воцарилась тишина, и я предположила, что Николас кивнул. Поступь отца постепенно стихла: он шел дальше по коридору.

– Да? – протянул Николас. Двухсекундная пауза, а затем: – *Твою мать.*

Я напряглась. Тон у Руссо был такой, словно он намеревался кого-то немедленно убить. Внезапно я услышала шаги: значит, Николас уже находился в гостиной и приближался ко мне. Прежде чем я успела обернуться, он наклонился через мое плечо и выхватил пульт.

– Эй! – возмутилась я.

Не удостоив меня ответом, он переключил канал. «*Срочные новости*», сообщала надпись внизу экрана, а светловолосая телеведущая описывала задержание крупной партии наркотиков на границе.

Николас стоял за моей спиной, но настолько близко, что кончики моих собранных в хвост волос касались его живота. Я осторожно оглянулась. Вцепившись в низкую спинку дивана обеими руками, он уставился на экран, игнорируя мое присутствие. Грубо и без какого-либо уважения к чужому личному пространству.

Пuls бился в ушах, а сердце спотыкалось от чего-то похожего на предвкушение. Непроизвольная физиологическая реакция порядком раздражала. Мне не нравился этот мужчина – и неважно, как сильно бьется сердце, но мне неожиданно стало наплевать, насколько было бы неприятно сейчас ему дерзить.

– Твои?.. – спокойно спросила я. – Какая жалость.

Он дернул меня за хвост.

– Не нарывайся, – рассеянно пробормотал он низким голосом.

В груди потеплело, как будто я только что сыграла с огнем и не обожглась. Сразу же захотелось попробовать еще раз. Неужели именно так у людей появляется зависимость?

– В доме есть еще семь других телевизоров, Руссо.

Он снова дернул меня за хвост, но теперь потянул пряди к себе, чтобы мне пришлось откинуть голову назад и посмотреть на него. Николас прищурился.

– Я начинаю сомневаться, что пресловутая Милашка Абелли вообще существует.

Я сглотнула.

– Ты стрелял в моего брата.

Его кулак... Что? Да, он наматывал на него мой хвост. Раз. Два раза.

Николас опять перевел взгляд на телевизор.

– Тони заслуживал кое-чего похуже.

Этот парень что, собирался смотреть телевизор, держа меня за волосы? *Боже*. Вероятно, из-за того, что моя голова оказалась наклонена под весьма необычным углом, у меня нарушился кровоток: кислорода в мозг явно поступало недостаточно. А от Николаса так приятно пахло мужчиной и мылом, что зрение расфокусировалось.

– Ты не судья и не присяжные, – выдохнула я.

Руссо посмотрел на меня.

– Тебя из-за Тони почти грохнули, а ты его защищаешь?

– Он мой брат.

Николас помрачнел.

– Он идиот.

Из коридора донесся мамин возглас, Николас медленно размотал мои волосы и отошел в сторону.

Мать переступила порог гостиной секундой позже.

– Нико, не знала, что ты сегодня нас наведишь! – воскликнула она натянутым голосом. Маме тоже не нравилось, что Руссо стрелял в Тони, но она наверняка была в курсе, что обязательно случится нечто подобное, поэтому терпеливо отсиживалась в спальне. – Останешься на обед?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.